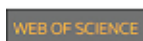

Качоровская А. Е. К вопросу о рецепции мифа о Прометее в австрийской литературе XIX—XX веков / А. Е. Качоровская // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 221—235. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235.

Kachorovskaya, A. E. (2020). On the Reception of the Myth of Prometheus in Austrian Literature of 19th—20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 3: 221-235. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235. (In Russ.).

УДК 821.112.2(436)“18/19”:7.046.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ МИФА О ПРОМЕТЕЕ В АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX—XX ВЕКОВ

© Качоровская Анна Евгеньевна (2020), orcid.org/0000-0001-7841-8181, Researcher ID 670104-2019, SPIN 2029-5245, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (Санкт-Петербург, Россия), kachorovskaya@mail.ru.

В настоящей статье уделяется внимание характерному для австрийской словесности XIX—XX веков мотиву сопротивления, который рассматривается с точки зрения историко-литературной взаимосвязи с мифом о Прометее. Выполнен обзор истории вопроса. Дан выборочный анализ версий прометеевского мифа в австрийском историко-литературном контексте XIX—XX веков, представляющем частью общеевропейского литературно-философского наследия. Стилистическое и жанровое своеобразие австрийских интерпретаций мифа о Прометее доказывается на основе исследования ряда произведений. Рассматривается вопрос о художественной рецепции образа Прометея в поэме З. Липинера «Освобожденный Прометей», мало изученной в отечественном литературоведении. Уделяется внимание версии прометеевского мифа в литературе австрийского модерна (на примере малой прозы Ф. Кафки). Вопрос о противоречивых тенденциях развития австрийской литературы XX века, влияющих на взаимодействие мотива сопротивления с прометеевским мифом, исследуется на примере эссе М. Грубер. Доказана корреляция австрийских версий мотива сопротивления с мифом о Прометее. Итоги исследования подтверждают значимость прометеевского мифа в австрийской рецепции XIX—XX веков, обладающей по отношению к европейскому контексту более выраженными чертами драматичности и театральности.

Ключевые слова: миф о Прометее; мотив сопротивления; австрийская литература; Зигфрид Липинер; Франц Кафка; Марианна Грубер.

1. К истории вопроса

Начиная с эпохи эллинизма до настоящего времени миф о Прометее является одним из самых противоречивых и часто интерпретируемых в философии и литературе. По мысли русского философа-идеалиста, исследователя античности А. Лосева (1893—1988), миф являет собой уникальное

по своей природе, «развернутое магическое имя» [Лосев, 2016, с. 267], обладающее универсальным значением и многогранной символикой.

Античная классическая литература, представляя различные версии прометеевского мифа, наделяет образ древнего титана человеческими чертами. Если в интерпретации Эсхила Прометей — великий бунтарский дух, выступающий в качестве прогрессивного «символа человеческой цивилизации» [Лосев, 1976, с. 230], то у Гесиода он «вполне очеловечен» [Там же, с. 229] и столь же несовершенен, как и созданные им по своему образу и подобию творения. Гуманизации и в то же время индивидуализации образа служат многочисленные эпитеты, которыми Гесиод наделяет Прометея в поэме «Теогония» (кон. VIII — нач. VII веков до н. э.). Создается образ «многоумного, изобретательного» [Гесиод, 2018, с. 199], а также «хитрого» [Там же, с. 200] титана. Только «Прометей изворотливо-умный» [Там же, с. 202] оказывается способным на обман Зевса и кражу божественного огня для смертных.

Согласно исследованиям Лосева, дальнейшему «очеловечиванию» прометеевского образа способствуют и древние схоласты, объединяющие Прометея, огонь и философию, и неоплатоники, для которых древнегреческий герой олицетворяет разум, и более поздние интерпретации мифа в контексте европейской литературы.

В немецкоязычных литературных версиях прометеевского мифа (XVIII век) отчетливо прослеживается связь с литературным мотивом сопротивления в различных модификациях. Немецкий драматург, прозаик и поэт К. Виланд (1733—1813) в своей «Фантазии о разговоре с Прометеем» («Traumgespräch mit Prometheus», 1770) представляет титана как предводителя людей, требующих автономии. И. В. Гёте (1749—1832) в знаменитой поэме «Прометей» («Prometheus», 1774—75) связывает отношение к фигуре древнего титана с бунтарским желанием человека найти собственный «основной закон бытия» («Seinsverfassung») [Daemmrich, 1995, с. 281—283].

Трактовки образа Прометея в драме И. Г. Гердера (1744—1803) «Освобожденный Прометей» (1802), а также в поэме А. В. Шлегеля (1767—1845) «Прометей» (1797) основываются, по мысли Лосева, не столько на идее гетевского открытого индивидуального бунта, сколько на сопротивлении бездуховности в постепенной эволюции человеческого духа. Идея бездуховности получает оригинальное аллегорическое прочтение также и в романе «Люцинда» (1799) Ф. Шлегеля (1772—1829), где прометеевский бунт противопоставляется истинно божественному творческому началу.

2. Миф о Прометее в европейском литературно-философском контексте на рубеже XIX — XX веков

Универсальная формула мифа о Прометее в европейском, в том числе австрийском, историко-литературном контексте включает в себя константный элемент, о котором в основном пойдет речь в данной статье. Этот элемент — литературный мотив сопротивления, в каждую новую литературную эпоху обретающий новую актуальность, становящийся ядром разнообразных художественных рецепций.

Европейская литературно-философская мысль XIX века, обращаясь к теме индивидуального восстания против тирании Зевса, подчеркивает, насколько сильно влияние верховного божества на жизнь общества. Противоречивый пафос прометеевского бунта заключается в эту эпоху в стремлении к свободе, которая, готовя путь человеческой эволюции, в то же время способна лишить человечество его богов.

Ценность и значимость прометеевского мифа для развития европейской мысли подчеркивается, в частности, немецким философом Х. Г. Гадамером (1900—2002), называвшим его «мифом европейской судьбы» и «мифом культуры» [Гадамер, 1991, с. 242—243].

В конце XIX века проблема прометеевского бунта и поисков свободы находит свое выражение в философии Ф. Ницше (1844—1900). Основываясь на древнегреческих мифах, Ницше провозглашает своеобразную теодицею богам-олимпийцам, называя их «богами радости» [Ницше, 2005, с. 55] в противоположность страдающим христианским святым. Благодаря идеям Ницше, обращение к прометеевскому мифу как символу сопротивления устоявшемуся христианскому канону приобретает в эту эпоху особую актуальность. Именно Ницше вновь обращает внимание европейцев на значение древнегреческой мифологии для европейской цивилизации, идеализируя миф и постулируя цикличность истории.

Размышления о прометеевском мифе отражены в философском трактате Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», работа над которым длилась с 1869 по 1871 годы. Изучая историю древнегреческой трагедии, в частности, опираясь на одну из частей тетралогии Эсхила «Освобожденный Прометей» (444—443 гг. до н. э.), Ницше не только связывает фигуру титана с бунтарским, антихристианским мотивом сопротивления, но и, вероятно, идентифицирует себя с «раскованным Прометеем»: «Я вызываю перед взором моим тот миг, когда Вы, мой глубокоуважаемый друг, получите эту книгу: я вижу, как Вы, быть может, после вечерней прогулки по зимнему снегу разглядываете раскованного Прометея на заглавном листе, читаете мое имя и сразу же проникаетесь убеждением, что, каково бы ни

было содержание этого сочинения, автор его несомненно имеет сказать что-либо серьезное и внушительное» [Там же, с. 41].

В рамках трактата «Рождение трагедии из духа музыки» философская мысль Ницше опирается на национальную идею существования двух исконных противоположных мифологем, определяющих и разграничивающих сказания разных народов. Это миф о Прометее и миф о грехопадении, то есть библейская история Адама и Евы: «Сказание о Прометее — исконная собственность всей семьи арийских народов и документ, свидетельствующий об их одаренности сознанием глубокомысленно-трагического, и даже не лишено вероятности, что этот миф имеет для определения сущности всего арийского мира такое же характерное значение, как миф о грехопадении для всего семитического, и что оба мифа находятся между собою в той же степени родства, как и брат с сестрой» [Там же, с. 92].

Идея Ницше об изначально родственной природе и в то же время о противостоянии арийского прометеевского и семитического библейского мифов находит своих последователей. В 1914 году выходит знаменитый эзотерический очерк «Великие посвященные» французского писателя и философа-протестанта Э. Шюре (1841—1929), где мифу о Прометее уделено исключительное внимание. Видя идейной и философской основой всех мировых религий два основных потока — семитический (спиритуализм) и арийский (натурализм), Шюре особо подчеркивает роль Прометея как источника натурализма: «Первый символизируется карающим Архангелом, который спускается на землю, вооруженный мечом и молнией; второй — Прометеем, держащим в руках похищенный с неба огонь и гордым взором измеряющим Олимп. Скрытые под сложными формами, которые можно обозначить родовым именем спиритуализма и натурализма, они господствуют над нашими разногласиями и над нашей борьбой. Оба кажутся непримиримы и непреодолимы, а между тем истинный прогресс человечества и его спасение зависят от примирения и слияния обоих начал в едином синтезе» [Шюре, 1914, с. 29].

Борьба и взаимодействие божественной, вертикально направленной сверху вниз на землю силы в ее средневековом значении выражения непреложной божественной воли (Архангел) и противостоящего вектора (Прометей), направленного снизу вверх, в конечном итоге варьируют мотив сопротивления природного человеческого начала началу духовному.

Один из самых распространенных литературных мотивов рубежа XIX—XX веков, связанный с мифом о Прометее, выступающем против олимпийцев и заступающемся за человеческий род, — сравнение древнего титана с образом Христа. Антиномия Прометей — Христос находит свое

выражение и в австрийской литературе рубежа XIX—XX веков, когда сама Габсбургская монархия существует в немецкоязычном ареале «... скорее на бумаге или как миф, ибо отдельные ее части нередко воевали друг против друга, образуя временами самые причудливые и переменчивые альянсы ...» [Архипов и др., 2009, с. 6].

3. Поэма Зигфрида Саломо Липинера «Освобожденный Прометей»

Лирико-философское произведение австрийского поэта З. Липинера (S. Lipiner, 1856—1911) «Освобожденный Прометей» («Der entfesselte Prometheus», 1876) противопоставляет Прометея как «духа человеческой гордости» Христу — побеждающему духу «любви и всепрощения» [Холодковский, 1908, с. 16]. В стилистическом отношении произведение Липинера апеллирует не только к эклектичности и высокопарности барокко в духе «Прометея» Гёте, но, вероятно, и к живописной эпохе «лучезарной вещественности бидермейера» [Архипов и др., 2009, с. 10] XIX века. Наделяя образы Прометея и Христа псевдореалистическими деталями, Липинер придает им фактурную достоверность, создает иллюзию аутентичности.

Внешние черты Прометея и Христа в поэме Липинера различны, что подчеркивает их противостояние. Спящий глубоким сном, прикованный к скале Прометей кажется случайно нашедшему его поэту-повествователю не столько отвлеченным символом сопротивления, сколько реальной фигурой, обладающей идеализированным обликом:

*Гигант с кудрями черными, чело
Возвышенно, прекрасно и светло!
А в бороздах глубоких меж бровей —
Вся радость и вся скорбь судьбы твоей:
Непобедимой силы в них черта!
Презреньем сжаты гордые уста ...* [Липинер, 1908, с. 26].

Наделенный романтическими чертами, существующий в некоем символическом пространстве Христос Липинера в то же время парадоксальным образом не чужд вещественности. Это обстоятельство также позволяет говорить о близости образа австрийскому бидермайеру. Вначале Христос предстает перед Прометеем, поднимаясь из бушующих «волн огня» [Там же, с. 117], его «бледная голова» [Там же, с. 115] увенчана «терном окровавленным» [Там же, с. 115]. Затем спаситель является Прометею уже не в образе страдальца, но в образе «мощного властелина» [Там же, с. 117], готового судить мятежного титана:

*На нем была корона золотая,
И царственным сиял величьем взор.*

*И громко прозвучал владыки голос:
Тебя судить я буду!* [Там же, с. 118].

Пристрастие к псевдореалистическим деталям в поэме Липинера становится более понятным, если рассматривать данную детализацию с точки зрения научных выкладок М. М. Бахтина (1895—1975), а именно с позиций теории «исторической инверсии» [Бахтин, 2000, с. 75] — романтической идеализации золотого века, приводящей в литературно-философском контексте к попыткам проецирования античных совершенных категорий на современную реальность: «Чтобы наделить реальностью тот или иной идеал, его мыслят как уже бывший однажды когда-то в Золотом веке в “естественном состоянии” или мыслят его существующим в настоящем где-то за тридевять земель, за океанами, если не на земле, то под землей, если не под землей, то на небе. Готовы скорее надстраивать действительность (настоящее) по вертикали вверх и вниз, чем идти вперед по горизонтали времени» [Там же, с. 76].

Можно предположить, что Липинер выстраивает собственную вертикаль, подобную классической вертикали Данте, который «... строит изумительную пластическую картину мира, напряженно живущего и движущегося по вертикали вверх и вниз ...» [Там же, с. 85—86].

Освобожденный от оков Прометей оказывается связующей фигурой в сюжете поэмы Липинера, способной на свободное движение по вертикали. В самом низу вертикали, условно обозначенной в рамках данной статьи как «вектор Прометея», располагается огненное озеро, в которое Христос повелевает сойти титану, чтобы тем самым еще раз искупить вину человечества. В середине находится мир людей: революционеров, поэтов и философов. Наверху — «высшая сфера» [Липинер, 1908, с. 147], куда возносится Прометей в конце произведения. Оставшийся на земле поэт становится хранителем прометеевской мудрости и нового «пантеистического мировоззрения» [Холодковский, 1908, с. 17], близкого философии неокантианства в том числе.

Отсутствие богов должно привести к прогрессу, новой культурной парадигме и новому общественному строю, а за лирической формой, в которую облачаются упоение свободой и жажда огня как символа прометеевского бунта, чувствуется философия сопротивления божественным установлениям:

*Алтарь свободы к небу шлет
Огонь могучий свой!* [Липинер, 1908, с. 36].

Типично австрийский микрокосм поэмы сравним с ницшеанским макрокосмом, постулирующим взаимосвязь прометеевского мифа и огненной

символики в трактате «Рождение трагедии из духа музыки»: «Предпосылкой мифа о Прометее является та чрезмерная ценность, которую наивное человечество придает огню как истинному палладиуму всякой растущей культуры; но то, что человек свободно распоряжается огнем и получает его не только как дар небес, в зажигающей молнии и согревающем пламени солнца, — это представлялось созерцательности первобытного человека злодеянием, ограблением божественной природы» [Ницше, 2005, с. 92—93].

Революционный пафос в произведении Липинера сменяется разочарованием и падением нравов в «стране людей» [Холодковский, 1908, с. 6]. Тема упадка характеризуется патетическими интонациями, выраженными уже в иной форме, близкой драматическим театральным монологам:

*Украшен был дворца роскошный зал,
И в нем сидели, развалиясь беспечно,
Те, кто еще недавно голодали,
Теперь же были слишком, слишком сыты
И сбросили стесненья всяких уз ...* [Липинер, 1908, с. 103].

Развенчание революционной концепции свободы приводит к поискам нового идеала, в качестве которого предлагается пантеистическое мировоззрение, ведущее, с одной стороны, к скорби о прошлом, а с другой — к пафосу «радости мира» [Там же, с. 174]:

*Тогда, как утра луч златой
Помнится встуду гимн святой,
И радость мира в песне той
Победно зазвучит!* [Там же].

Неоднозначная контаминация христианских и прометеевских идей оказывает, вероятно, влияние и на жанровое своеобразие текста, в котором лирическая форма переплетается также и с формой псевдоантичного диалога:

*Но, выпрямившись гордо,
Воскликнул Прометей:
«Кто может быть моим судьбою?»
Громовый был ответ:
«Тот, кто любил!»* [Там же, с. 118].

Рецепция прометеевского мифа в произведении Липинера связана с особым взглядом на извечную антиномию человеческого сопротивления и мировой гармонии. В одном из исследований, посвященных творчеству Липинера и его поэме, данная антиномия рассматривается как подмена античной мифологемой современных исторических реалий: «На мифическом уровне революция замещается прометеевским апофеозом, а рост со-

протivления — космическим принципом искупительной “любви”» [Lengauer, 1989, S. 1246].

«Освобожденный Прометей» появляется в австрийской печати, сразу завоевывая признание. К моменту выхода поэмы на немецком языке поэту всего лишь двадцать лет, однако его произведение получает позитивную оценку Ф. Ницше. Также американский переводчик Фауста Б. Д. Тейлор (1825—1878) в газете «Deutsche Rundschau» в публикации 1880 года называет поэму Липинера «значительнейшим произведением немецкой лирики со времен Фауста Гете» [Ibid., S. 1240].

4. Миф о Прометее в малой прозе Франца Кафки

Актуализация мотива свободы как проявления индивидуального сопротивления приводит к появлению новых версий прометеевского мифа в австрийской литературе эпохи модерна начала XX века. Данная эпоха характеризуется в то же время усилением христианско-католических тенденций, антагонистичных исследуемому мотиву сопротивления. Модернистская прометеевская мифологема может быть интерпретирована и в качестве одного из символов самого «габсбургского мифа»: «Выражение “миф”, с одной стороны, указывает на неадекватное отражение действительности, с другой стороны, оно свидетельствует о попытке прорваться к метаисторическому и метафизическому началу. Происходит (порой, <...> бессознательно) сублимация конкретной общественной системы в некий живописный, надежный и упорядоченный сказочный миф» [Никифоров, 2009, с. 352].

Уходящий в прошлое «габсбургский миф», отражаясь в произведениях австрийских литераторов, обладает выраженной мистико-философской доминантой: «“Габсбургский миф” — и его таинственную природу, и характер его крушения, и длящуюся посмертную магию — в самом разном поэтологическом ключе запечатали самые выдающиеся прозаики, каких когда-либо знала Австрия, — Франц Кафка («Процесс», «Замок»), Роберт Музилл («Человек без свойств»), Герман Брох («Смерть Вергилия») [Архипов и др., 2009, с. 11].

В качестве элемента исчезающего «габсбургского мифа» прометеевский миф находит свое отражение в трех философских притчах Ф. Кафки (1883—1924), выполненных в жанре малой литературной формы. Это миниатюра «Прометей» («Prometheus», 1918), притчи «Ночью» («Nachts», 1920) и «Коршун» («Der Geier», 1920).

Мотив сопротивления в философской миниатюре Кафки «Прометей» неразрывно связан с процессом индивидуализации, а также с размышлениями о непререкаемости высшего божественного порядка. Сравнивая че-

тыре разных предания о Прометее, Кафка пишет о необъяснимом, о том, что остается за пределами любого текста, пытаюсь «... объяснить необъяснимое, поскольку оно исходит из истинной причины и должно вновь закончиться в необъяснимом ...» [Stadler, 1998, S. 276]. Согласно одному из преданий, Прометей сливается со скалой, становясь частью невыразимого в человеческих категориях духовного пространства, навсегда избавляющего от страданий: «Остались необъяснимые скалы ... Предание пытается объяснить необъяснимое. Имея своей основой правду, предание поневоле возвращается к необъяснимому» [Кафка, 2017, с. 268].

Минимализм жанра контрастирует с бесконечностью смысла, предельно малая литературная форма вмещает в себя целый содержательный универсум. В данной связи произведение Кафки представляется текстом, использующим миф как некую театральную кулису, за которой скрыта целая вселенная в миниатюре: «Собственно тема рассказа исчезла. На ее место становится предание, драпирующееся под миф» [Stadler, 1998, S. 277].

Притча Кафки «Ночью» косвенно затрагивает прометеевский миф на уровне огненной символики: горящий факел бодрствующего стража, охраняющего и спасающего спящее человечество, — символ прометеевского огня, знания, в противоположность невежеству, деяния, противопоставленного покою.

Парабола Кафки «Коршун» также может быть интерпретирована в качестве попытки самоидентификации автора-рассказчика с образом древнего титана, но уже в совершенно ином значении. В тексте Кафки речь идет не о демиурге и его творениях, а о сопричастности страданиям творца, о театрализованном вживании в образ. Антиномия палача и жертвы — коршуна и Я-рассказчика — становится определяющей и соотносится с мотивом прометеевского сопротивления. Смерть коршуна, как и Я-рассказчика, влечет за собой исчезновение конфликта между богом-творцом и его земным творением, страдающим от невозможности противостоять своему мучителю. Притча, подобно драматичному театральному действию, реализует приговор некоей высшей инстанции, соотносимой с понятием «каббалистического суда» [Groeziinger, 1992, S. 76—81] как динамического исторического процесса, ходу которого подчинено развитие индивидуального сознания.

4. Миф о Прометее в рецепции Марианны Грубер

Во второй половине XX века прометеевский миф как символ прогресса становится предтечей новой литературной парадигмы, приближающей к хаотичному постмодернистскому видению мира, структурой которого часто считают лабиринт-ризому, — бесконечно разрастающуюся паутину

смыслов. В связи с этим следует упомянуть, что в австрийской литературе эпохи постмодернизма мотив сопротивления, обретая, подобно прочим литературным мотивам, смысловую поливалентность, эволюционирует под противоречивым влиянием знаменитых венских школ психотерапии, представленных теорией психоанализа З. Фрейда (1856—1939) и экзистенциальным анализом В. Франкля (1905—1997).

Можно предположить, что в качестве своеобразного символа сопротивления именно миф о Прометее мог бы служить иллюстрацией развития австрийской литературы второй половины XX века, движущейся от биологической фрейдистской концепции «Сверх-Я» [Фрейд, 2007, с. 114—128] к «битве за духовную установку духовным оружием» [Frankl, 1982, S. 17] в логотерапевтической терминологии франклевских теорий.

Мотив сопротивления в качестве элемента многовариантной постмодернистской свободы становится тем культурно-историческим кодом, развитие которого совпадает с периодом расцвета творчества представительницы поколения австрийской литературы 1980—1990-х годов М. Грубер (1944—...). Вслед за философией Камю Грубер обращает внимание на миф о Прометее как на историческую интенцию, способную к трансформации в австрийском настоящем. Собственно, практически все тексты Грубер — «это притчи, вписанные в конкретную историю — историю Австрии» [Плахина и др., 2010, с. 502].

Эссе Камю «Прометей в аду» (1953) и Грубер «Прометей: предвосхищение будущего» («Prometheus: Antizipation einer Zukunft», 1986) объединены пафосом сопротивления индифферентному отношению обеих эпох к решению насущных общественных проблем. Таким образом, оба эссе прежде всего постулируют «неравнодушие Прометея к людским судьбам» [Качоровская, 2004, с. 375].

По мысли Камю, прометеевский бунт привязан к историческим реалиям, тогда как образ мятежного титана должен служить примером для современного европейца, поскольку именно современники предают Прометея в тот момент, когда становятся рабами истории и подчиняются внешним обстоятельствам: «вернись на землю Прометей, люди сегодня поступили бы так же, как боги в старину <...> приковали бы его к скале во имя той самой человечности, которую он прежде всего олицетворяет» [Камю, 1988, с. 369].

Вслед за Камю, постулирующим необходимость исторической памяти, а также опираясь на экзистенциальный анализ Франкля с его идеей индивидуальной ответственности, Грубер ведёт речь о необходимости осознания человеком глобальных проблем современности. Основываясь на прометеевской версии Гесиода, согласно которой Зевс вначале лишает людей огня, а

древний титан лишь возвращает своим смертным творениям божественное пламя ('himmlische Glut') [Gruber, 1986, S. 2], Грубер создает свою «вольную интерпретацию» [Ibid., S. 1] античного мифа, связанную как с вариацией мотива сопротивления (в данном случае — «человеческого бунта» 'menschliche Revolte'), так и с темой потерянного рая, проецируя его на современную европейскую ситуацию 1980-х годов: «На первый взгляд, для людей воссоздается древняя ситуация. Но это не так. Возвращение в рай, дарованный природой на дружеских условиях, представляется невозможным. Хотя дорогу преграждает не ангел с огненным мечом, но память людей. Рай — это состояние, ни с чем не сравнимое. Но теперь люди могут сравнивать. Так они постигают, что боги непредсказуемы <...>. В отражении прометеевского огня становится ясно, что ничто не должно остаться таким, как есть. В этом и заключается суть человеческого бунта. Его последствия разнообразны и амбивалентны. Он создает личность и открывает измерение будущего с точки зрения свободы ...» [Ibid., S. 2].

Выраженный драматизм и театрализованность этого примера из эссе Грубер сопоставимы с образностью мышления, присущего философии Камю.

Мотив сопротивления в постмодернизме, варьирующий тему индивидуального бунта как инструмента стилистического воздействия на принципы языкового канона, связан в том числе и с постмодернистским «позитивным видением разнообразия» [Welsch, 1988, с. 12], присущим, в частности, поколению австрийских литераторов 1990-х годов, превращающих его в языковую игру, создающих клишированные, интертекстуальные схемы. Например, в 1995 году драматург, эссеист и критик А. Фиан (1967—...) говорит об использовании мотива лишь как инструмента «гибельного китча» ('Untergangskitsch') [Zeyringer, 1995, S. 30], возможно, имея в виду представителей нового поколения австрийских литераторов: В. Хербста (1943—2008), Г. Руисса, (1951—...), а также К. Рансмайра (1951—...), пользующихся репутацией «индивидуальных анархистов» ('Individualanarchisten') [Zeyringer, 1995, S. 29].

Параллельно с мотивом сопротивления нивелируется и прометеевский миф. Литература австрийского постмодернизма этого периода хотя и обращается к мифу о Прометее, но использует его в качестве массмедийного клише, театрального образа, маски. Манера австрийского письма, тяготеющая к драматической форме, обращаясь к европейской идее циклического хода истории, взаимодействует в числе прочего и с ницшеанскими определениями древнегреческого театра. Согласно философии Ницше, Прометей Эсхила — «дионисическая маска» [Ницше, 2005, с. 95], скрывающая истинное значение мифа, корнящееся в сопротивлении божественным

установлениям. Можно предположить, что Ницше в известной мере предвосхищает идеи рубежа XX—XXI веков, создавая своеобразный прообраз постмодернистской жанровой эстетики и говоря о вырождении жанров, использующих вместо истинного мифа только «маскированный миф» [Там же, с. 99]. Под маской австрийского постмодернизма, прометеевская мифологема по-своему актуализирует феномен сопротивления, понятый в качестве универсального символа свободы.

5. Заключение

Таким образом, рецепция прометеевского мифа в Австрии XIX—XX веков коррелирует с исторически сложившимися особенностями австрийского литературного мотива сопротивления (‘Widerstand’). Произведения австрийской литературы, выбранные для интерпретации, объединяет обращение к мифу о Прометее именно в связи с характерным мотивом сопротивления.

Эстетика жанра и стиля исследуемых произведений обладает выраженными чертами театральности, характерными для австрийской литературы. Художественная рецепция мифа о Прометее в Австрии представлена произведением австрийского поэта З. Липинера «Освобожденный Прометей», выполненным в жанре поэмы с элементами псевдоантичного театрального диалога. Театральная составляющая характерна и для стиля исследуемых в рамках данной статьи текстов Кафки в жанре малой прозы, а также «вольной интерпретации» мифа о Прометее М. Грубер, написанной в жанре эссе.

Драматизм и театральность представляются чертами, актуализирующими своеобразие австрийских версий прометеевского мифа в общеевропейском контексте.

Источники и принятые сокращения

1. *Кафка Ф.* Прометей / Ф. Кафка // Превращение : сборник / пер. с нем. С. К. Апта, В. О. Станевич. — Москва : АСТ, 2017. — 416 с.
2. *Камю А.* Прометей в аду / А. Камю // Избранное / перевод с французского С. И. Великовского. — Москва : Радуга, 1988. — 464 с.
3. *Липинер З.* Освобожденный Прометей / пер. и введение Н. А. Холодковского. — Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1908. — 174 с.
4. *Gruber M.* Prometheus — Antizipation einer Zukunft. Maschienen-schrift. Schriftsteller-treffen. — Belgrad, 1986. — 4 S.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Ю. И.* Введение / Ю. И. Архипов, В. Д. Седельник // История австрийской литературы XX в. : в 2-х т. — Москва : ИМЛИ имени А. М. Горького РАН, 2009. — Т. 1. — 632 с.

2. Бахтин М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 294 с.
3. Гадамер Х. Г. Актуальность прекрасного / Х. Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — 368 с.
4. Гесиод. Работы и дни. Теогония. Щит Геракла / Вступл. и примеч. Г. К. Властова. Изд. 4-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2018. — 288 с.
5. Качоровская А. Е. Отголоски философии Альбера Камю в творчестве Марианны Грубер / А. Е. Качоровская // *Studia germanica* : Немецкая литература XIX—XX вв. в современных исследованиях : (Неконфронтационный диалог) : сборник / под ред. А. Г. Березиной. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. — С. 369—378.
6. Лосев А. Ф. Дialeктика мифа / А. Ф. Лосев. — Санкт-Петербург : Азбука-Non-Fiction, Азбука-Аттикус, 2016. — 320 с.
7. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. — Москва : Искусство, 1976. — 320 с.
8. Никифоров В. Н. «Габсбургский миф» в австрийской литературе / В. Н. Никифоров // История австрийской литературы XX в. : в 2-х т. — Москва : ИМЛИ имени А. М. Горького РАН, 2009. — Т. 1. — С. 352—366.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше ; перевод с немецкого Г. А. Рачинского. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. — 208 с.
10. Плахина А. В. Австрийская проза конца 1970-х — начала 1990-х годов / А. В. Плахина, В. Д. Седельник, Ю. Л. Цветков // История австрийской литературы XX в. : в 2-х т. — Москва : ИМЛИ имени А. М. Горького РАН, 2010. — Т. 2. — С. 490—516.
11. Фрейд З. «Я» и «Оно» / З. Фрейд. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2007. — 288 с.
12. Холодковский Н. А. Введение к поэме З. Липинера Освобожденный Прометей / З. Липинер // Освобожденный Прометей / перевод с немецкого Н. А. Холодковского. — Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1908. — 174 с.
13. Шюре Э. Великие посвященные / Э. Шюре // Очерк эзотеризма религий. Репринт 1914 г., 2-е изд. — Москва : Книга Принтшоп, 1990. — 419 с.
14. Daemmrich H. u. I. Themen und Motive in der Literatur / H. u. I. Daemmrich. — Tuebingen, Basel : Francke Verl., 1995. — 410 S.
15. Frankl V. Aertzliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse / V. Frankl. — Wien : Deuticke Verl., 1982. — 154 S.
16. Groezinger K. Kafka und die Kabbala : das Juedische im Werk und Denken von Franz Kafka / K. Groezinger. — Frankfurt am Main : Eichborn, 1992. — 267 S.
17. Gruber M. Prometheus — Antizipation einer Zukunft. Maschienschrift. Schriftstellertreffen / M. Gruber. — Belgrad, 1986. — 4 S.
18. Lengauer H. Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus / H. Lengauer // Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II / Hrsg. von H. Zehman. — Graz, 1989. — S. 1227—1246.
19. Stadler U. Subversive Arbeit am Mythos. Kafkas Beziehung zur Antike und die fuenf «Sagen» von Prometheus / U. Stadler // *Antiquitates Renatae* : deutsche und franzoesische Beitræge zur Wirkung der Antike in der europæischen Literatur / Hrsg. V. von Ehrich Haefeli. — Wuerzburg : Verl. Koenigshausen u. Neumann, 1998. — S. 271—284.

20. Welsch W. Wege aus der Moderne. Schlussetexte der Postmoderne-Diskussion / W. Welsch. — Weinheim : VCH Acta humaniora, 1988. — 175 S.

21. Zeyringer K. Oesterreichische Gegenwartsliteratur. Ein Portraet in 13 Bildern / K. Zeyringer // Oesterreich. Autorinnen und Autoren. Debuts der letzten zwanzig Jahre. — Wien, Koeln, Weimar : Boehlaue Verl., 1995. — 240 S.

ON THE RECEPTION OF THE MYTH OF PROMETHEUS IN AUSTRIAN LITERATURE OF 19TH—20TH CENTURIES

© Anna E. Kachorovskaya (2020), orcid.org/0000-0001-7841-8181, Researcher ID 670104-2019, SPIN 2029-5245, PhD in Philology, associate professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), kachorovskaya@mail.ru.

This article focuses its attention on the motive of resistance characteristic of Austrian literature of the 19th — 20th centuries, which is considered from the point of view of the historical and literary relationship with the myth of Prometheus. The history of the issue is reviewed. A selective analysis of the versions of the Promethean myth in the Austrian historical and literary context of the 19th-20th centuries, which is part of the pan-European literary and philosophical heritage, is given. The stylistic and genre originality of Austrian interpretations of the myth of Prometheus is proved on the basis of a study of a number of works. The artistic reception of the image of Prometheus in the poem by Z. Lipiner "Liberated Prometheus", little studied in Russian literary criticism is considered in the article. Attention is paid to the version of the Promethean myth in the literature of Austrian Art Nouveau (on the example of F. Kafka's little prose). The issue of conflicting trends in the development of Austrian literature of the 20th century, affecting the interaction of the motive of resistance with the Promethean myth, is investigated by the example of M. Gruber's essay. The correlation of the Austrian versions of the motive of resistance with the myth of Prometheus is proved. The results of the study confirm the significance of the Promethean myth in the Austrian reception of the 19th-20th centuries, which has more pronounced features of drama and theatricality in relation to the European context.

Key words: myth of Prometheus; motive of resistance; Austrian literature Siegfried Lipiner; Franz Kafka; Marianne Gruber.

MATERIAL RESOURCES

Gruber, M. (1986). *Prometheus — Antizipation einer Zukunft. Maschienschrift. Schriftsteller-treffen*. Belgrad. (In Germ.).

Kafka, F. (2017). Prometheus. In: *Prevrashcheniye: sbornik*. Moskva: AST. (In Russ.).

Kamyu, A. (1988). Prometheus v adu. In: *Izbrannoye*. Moskva: Raduga. (In Russ.).

Lipiner, Z. (1908). *Osvobodennyi Prometheus*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo A. S. Suvorina. (In Russ.).

REFERENCES

Arkhipov, Yu. I., Sedelnik, V. D. (2009). Vvedeniye. In: *Istoriya avstriyskoy literatury XX v.: v 2-kht., 1*. Moskva: IMLI imeni A. M. Gorkogo RAN. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2000). *Epos i roman*. Cankt-Peterburg: Azbuka. (In Russ.).

- Daemmrich, H. u I. (1995). *Themen und Motive in der Literatur*. Tuebingen, Basel: Francke Verl. (In Germ.).
- Frankl, V. (1982). *Aerztliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse*. Wien: Deuticke Verl. (In Germ.).
- Freyd, Z. (2007). «Ya» i «Ono». Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. (In Russ.).
- Gadamer, Kh. G. (1991). *Aktualnost' prekrasnogo*. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
- Groezienger, K. (1992). *Kafka und die Kabbala: das Juedische im Werk und Denken von Franz Kafka*. Frankfurt am Main: Eichborn. (In Germ.).
- Kachorovskaya, A. E. (2004). Otgosloski filosofii Albera Kamyu v tvorchestve Marianny Gruber. In: *Studia germanika: Nemetskaya literatura XIX—XX vv. V sovremennykh issledovaniyakh: (Nekonfrontatsionnyy dialog)*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 369—378. (In Russ.).
- Kholodkovskiy, N. A., Kholodkovskogo, N. A. (eds.) (1908). *Vvedeniye k poeme Z. Lipinera Osvobozhdeniyy Prometey*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo A. S. Suvorina. (In Russ.).
- Lengauer, H. (1989). Siegfried Lipiner. Biographie im Zeichen des Prometheus. In: *Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart*. Graz. 1227—1246. (In Germ.).
- Losev, A. F. (2016). *Dialektika mifa*. Sankt-Peturburg: Azbuka-Non-Fiction, Azbuka-Attikus. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1976). *Problema simvola i realisticheskoye iskusstvo*. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
- Nikiforov, V. H. (2009). «Gabsburgskiy mif» v avstriyskoy literature. *Istoriya avstriyskoy literatury XX v.: v 2-kh t., 1*. Moskva: IMLI imeni A. M. Gorkogo RAN. 352—366. (In Russ.).
- Nitsshe, F. (2005). *Rozhdeniye tragedii iz dukha muzyki*. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. (In Russ.).
- Plakhina, A. B., Sedelnik, V. D., Tsvetkov, Yu. L. (2010). Avstriyskaya proza kontsa 1970-kh — nachala 1990-kh godov. In: *Istoriya avstriyskoy literatury XX v.: v 2-kh t., 2*. Moskva: IMLI imeni A. M. Gorkogo RAN. 490—516. (In Russ.).
- Shyure, E. (1990). Velikiye posvyashchennyye. In: *Ocherk ezoterizma religiy. Reprint 1914 g.* Moskva: Kniga Printshop. (In Russ.).
- Stadler, U. (1998). Subversive Arbeit am Mythos. Kafkas Beziehung zur Antike und die fuenf «Sagen» von Prometheus. In: *Antiquitates Renatae: deutsche und franzoesische Beitrage zur Wirkung der Antike in der europaeischen Literatur*. Wuerzburg: Verl. Koenigshausen u. Neumann. 271—284. (In Germ.).
- Vlastova, G. K. (ed.) (2018). *Gesiod. Raboty i dni. Teogoniya. Shchit Gerakla*. Moskva: LENAND. (In Russ.).
- Welsch, W. (1988). Wege aus der Moderne. In: *Schluesstexte der Postmoderne-Diskussion*. Weinheim: VCH Acta humaniora. (In Germ.).
- Zeyringer, K. (1995). Oesterreichische Gegenwartsliteratur. Ein Portraet in 13 Bildern. In: *Oesterreich. Autorinnen und Autoren. Debuts der letzten zwanzig Jahre*. Wien, Koeln, Weimar: Boehlau Verl. (In Germ.).